

Над Склоном Обернувшегося Оленя бушевала гроза. Скрещивались мечи, взмывали к небу снопы искр. Каменные рога утесов, опутавшие склон, словно покрылись колючим терновником и брызнули кровью, источая едва уловимый, металлический запах бойни.

Эмэйские спицы созданы для быстрых и смертоносных ударов. Сун Чжияй нападал яростно и беспощадно, целясь главе Сюэ прямо в межбровье, в горло, в сердце и запястья. Зияющая сквозная рана на его собственной груди давно перестала кровоточить — теперь из нее сочилась лишь густая, похожая на жидкую грязь серая жижа. При каждом его рывке эти брызги разлетались по усыпавшим землю осколкам зеркал, в которых дрожали тысячи искаженных, мертвенно-бледных отражений.

— Веер Светлого Зеркала! — процедил Сун Чжияй сквозь зубы. — Гром ударил лишь в отражение! Ты обманул меня... использовал этот чертов веер!

— Твоим же оружием против тебя самого, — отозвался Сюэ Линцзин.

Белоснежные рукава его одеяния взметнулись. Тонкий клинок двигался легко и благородно, с безупречной точностью отражая выпады противника. Если безумные атаки Сун Чжияя походили на неистовый ураган, то защитные движения главы школы Сюэ напоминали мягкий снегопад. Каждая вспышка его меча ложилась ровно, словно кружащиеся зимние хлопья.

— Ты применил порошок для жульничества и втянул Чжан Цифэна, чтобы выкрасть мой веер, — прохладный голос скользнул над полем боя. — Стоит ли удивляться, что веер вернулся и обманул тебя самого?

— Замолчи! — яростно взревел Сун Чжияй и снова бросился в атаку, выставив вперед смертоносные спицы.

Оба оружия были тонкими и изящными. При их столкновении раздался пронзительный металлический скрежет: острые спицы скользнуло по лезвию меча, высекая сноп ярких искр.

Сюэ Линцзин даже бровью не повел. Оттолкнувшись носком ноги от земли, он стремительно скользнул вперед. Они сошлись вплотную, однако ни один край белоснежных одежд главы Сюэ так и не коснулся оскверненного тела Сун Чжияя. Он двигался с грацией белой птицы, пролетающей над топью: едва касаясь водной глади, но оставаясь безупречно чистым.

Сун Чжияю казалось, что эта ослепительная белизна выжигает ему зрение. Взгляд его наливался яростной багровой краснотой. Сам того не замечая, он до крови прокусил губу. Из раны по подбородку потекла зловонная жижа, заструилась под воротник. Мерзкое ощущение, будто по телу поползли склизкие твари, мгновенно пробудило в памяти унижительные воспоминания детства: голод, нищету, попрошайничество у чужих порогов.

Взревев от унижения, он плюнул в лицо Сюэ Линцзину гнилой кровью. Но тот лишь небрежно взмахнул рукавом, отводя яд в сторону. Брызги пали на сухую траву, и та внезапно

зашевелилась, словно ожив, а в следующий миг обратилась в жирного склизкого червя.

Холодная вспышка меча мгновенно рассекла тварь надвое. Сун Чжияй оцепенел, уставившись на безупречно чистые, сияющие белизной одежды Сюэ Линцзина, и вдруг все понял. Его лицо исказилось, и он покатылся со смеху, обхватив себя руками:

— Ха-ха-ха-ха-ха! То-то я гадал, почему после убийства стольких учеников на тебя не пала кара и не осквернила твою карму! Почему небо приготовило для тебя вознесение?! Оказывается, ты обвел вокруг пальца не только меня, но и самого Творца! Ты обманул небеса! Но это верная гибель, Сюэ Линцзин! Ты сам подписал себе смертный приговор!

Отбросив спицы, он мертвой хваткой бросился на Сюэ Линцзина. Тот легко уклонился, шагнув в сторону, и безумец с размаху рухнул на камни. Разбив в кровь лицо и не замечая боли, Сун Чжияй отчаянно зашарил руками по земле, пока его окровавленные пальцы не сомкнулись на лодыжке главы Сюэ. На белоснежной ткани расплылись два уродливых серо-черных пятна.

— Попался! — торжествующе завизжал он. Одержимый безумием, он уткнулся лицом в чужую ногу, приплюсываясь, точно крыса, почуявшая добычу. — Наконец-то я поймал тебя!

Сюэ Линцзин не стал отталкивать его. Он замер, безмолвно взирая на поверженного врага сверху вниз. В его глазах не было ни гнева, ни жалости — лишь холодное, безучастное созерцание, словно перед ним лежал безжизненный камень.

Сун Чжияй почувствовал, как в его изъеденном гнилью сердце, где едва теплилась искра человеческого, что-то болезненно укололо. Но чувство быстро угасло, сменившись привычным тупым беспамятством. Он оскалился:

— К чему это благородное величие? Ну же! Рискни пронзить меня своим великим мечом! Попробуй!

Сюэ Линцзин промолчал.

— О, как ты умен, великий глава Сюэ! — издевательски протянул Сун Чжияй. — Ты ведь знал, что я выжидаю момента, когда на тебя обрушится кара за погубленные души. И потому принял невероятное количество Порошка Восхождения к Бессмертию, устроив этот дешевый спектакль с мнимым воспарением, лишь бы выманить меня из тени! Но не упустил ли ты одну крошечную деталь? Неужели забыл, из чего варят это зелье? Или твоему скромному преемнику стоит напомнить?

— Иньская душа пожирающего парчу червя, — негромко произнес Сюэ Линцзин. Удерживая меч одной рукой, он занес клинок над шеей противника. — Я не просто принял порошок. Моя доза многократно превысила то, что требовалось для обмана Небес и вызова грозы.

Сун Чжиюй осекся. Торжествующий оскал сполз с его лица, в безумном взгляде промелькнуло недоумение.

—... Чтобы они вошли в резонанс со всеми янскими душами, что сокрыты в твоём теле. — Сюэ Линцзин мягко опустил веки. В этот миг перед его мысленным взором внезапно предстал образ Шитоу, и в голосе главы школы прозвучало странное облегчение: — Я проглотил все запасы Порошка Восхождения, что хранились на Горе Пяти Облаков.

Когда с небес низверглась восемьдесят первая, последняя молния, её сокрушительный удар разорвал высь, но на земле не поднялось ни единой пылинки.

Эта небесная кара была вызвана обманом, и потому её не сопровождали ни сияющие облака, ни танцующие журавли, ни величественные священные песнопения, коими знаменуется истинное вознесение. Подаренный когда-то Бессмертным владыкой веер лежал у его ног, расколотый и обратившийся в прах. И всё же Сюэ Линцзин почувствовал, как в его угасающем взоре отразилась небесная чистая высь, а тело наполнилось невероятной, почти невесомой лёгкостью — словно на него сошло благословение свыше, даруя долгожданное освобождение.

Сквозь редеющие тучи пробился первый луч солнца, окрасив его лицо радужным сиянием. В этот миг его утонченный, одухотворенный облик казался поистине неземным.

Сун Чжиюй заворуженно смотрел на него снизу вверх. Больше всего на свете он ненавидел эту унижительную позу поверженного, но сейчас не мог заставить себя выпустить из пальцев край белоснежного одеяния Сюэ Линцзина.

Меч в руке главы школы Сюэ тихо запел, предвещая скорый удар. Сун Чжиюй зажмурился.

«Кто я такой, чтобы утащить за собой в могилу такое совершенство?» — промелькнуло в его угасающем сознании.

Но не успел он додумать эту мысль, как чистый, звонкий юношеский голос выкрикнул эти же слова вслух, нарушив тишину:

— Да что это за мразь такая, раз решила утащить тебя с собой на тот свет?!

Сюэ Линцзин отвел острие меча.

— Пощадите поганца! — завыл Шитоу, картинно перекаtywаясь через гребень холма и завывая на манер оперного актера. — Глава Сюэ! Если уж ты решил умереть во имя любви, то раздели ложе смерти со мной — твоим прекрасным, верным Шитоу! А подышать втайне от меня в компании этих жирных белых червей — это, знаешь ли, ни в какие ворота не лезет!

— Это ещё что за клоун?! — опешил Сун Чжиюй.

На губах Сюэ Линцзина заиграла едва заметная улыбка.

— Пришел все-таки, — тихо произнес он.

— Ах ты хитрец! Просчитал меня до единого шага, знал ведь, что прибегу! — Шитоу укоризненно покачал головой и, шатаясь, заковылял к ним вдоль отвесной скалы. Он то с хрустом наступал на острые камни, то ойкал, поскользываясь на сырой глине, но язык его не умолкал ни на секунду: — Ну раз уж сам Бессмертный Ши явился пред ваши очи, извольте спрятать свои зубочистки. Сейчас я во всем досконально разберусь, всыплю каждому по первое число, а штраф за порчу заповедных лесов Улина так и быть выписывать не стану!

Ни один из них не удостоил его бредни ответом. Сун Чжияй, у которого от злости на лбу вздулись вены, прорычал:

— Сюэ Линцзин! Ты что, держишь в Улине умалишенных?!

— Ошибаешься, дорогуша, — Шитоу вальяжно взмахнул бумажным веером. — Почтенный... как тебя там... малыш Сун. Погляжу я на твое лицо — дела твои совсем дрянь, висит над тобой проклятие черное. Твой ненаглядный глава Сюэ сейчас ни на что не годен. Чем молить его о пощаде, лучше пади ниц предо мной. — Он демонстративно похлопал себя по голени. — Ну же, хватай за ногу Бессмертного Ши! Уверю, толку будет куда больше, чем от той кости, что ты сейчас слюнявишь.

Сун Чжияй, разумеется, пропустил эту издевательскую тираду мимо ушей, но в его голове зашевелились шестеренки.

«Если я продолжу цепляться за Сюэ Линцзина, он просто прикончит меня на месте, не оставив ни единого шанса. Но если мне удастся схватить этого юродивого... я смогу использовать его как заложника и вырваться из ловушки!»

Он незаметно напруг пальцы, готовясь к броску.

Однако стоило ему едва шевельнуть рукой, как клинок Сюэ Линцзина молниеносно пронзил его ладонь, намертво пригвоздив ее к камням.

— Стой-стой-стой! — завопил Шитоу, подпрыгнув на месте от неожиданности. — Сяо Сюэ, не делай резких движений! Сейчас же вся эта мерзость наружу хлынет!

— Это тебе не следует дергаться, — мягко ответил Сюэ Линцзин. — Обернись.

Шитоу растерялся и послушно оглянулся через плечо. Позади расстилалась абсолютная пустота.

— Замри.

— Сюэ Линцзин, скотина! — Знакомая формула заклинания сковала его тело. Шитоу отчаянно пытался хотя бы повернуть голову, но мышцы словно окаменели.

— Послушай, — торопливо заговорил Шитоу, борясь с оцепенением. — Не смей этого делать... Слышишь? Мы найдем другой выход, обязательно найдем!

— Знаю, — тихо отозвался Сюэ Линцзин.

Шитоу замер.

— Тогда почему?.. — выдавил он.

— Потому что я сам не желаю спасения, — Сюэ Линцзин горько, обреченно вздохнул. — Мой путь к бессмертию завершился здесь. Навеки.

С этими словами он плавным, почти невесомым движением взмахнул мечом, и голова Сун Чжиюя покатилась по сырой земле.

<http://bllate.org/book/18360/1798447>